

М. А. Киселев

КАЗУС Д. В. ВОЛКОВА: «ПОДЪЯЧИЕ» НА ВЕРШИНАХ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII В.*

В дискуссионной статье 1993 г. о природе российского дворянства XVIII в. Дж. Ле Донн, задаваясь вопросом о том, «существовала ли российская бюрократия в XVIII в.», указывает на «поразительный факт»: термин «бюрократия» используется в исторической литературе «для обозначения различных категорий людей», которые слишком несходны, чтобы быть объединенными в одну социальную группу. «Некий Румянцев, некий Голицын или некий Вяземский — это бюрократ; фаворит как Меншиков, Потемкин или Зубов — это бюрократ; Иван Иванович Иванов, сын купца или священника — это бюрократ; и даже индивиды, не вовлеченные в канцелярскую работу (office work), называются бюрократами или чиновниками (officials)». Автор полагает, что «должна существовать определенная степень социальной однородности в бюрократии». Не обнаружив такой гомогенности у российской «бюрократии» XVIII в., историк приходит к выводу, что «термин “бюрократия” слишком специфичен, чтобы быть примененным к социальной неоднородности, которую он должен охватить. Его следовало бы заменить терминами, более близкими феноменам, которые они определяют».¹

В связи с этим уместно привести цитату из письма от 17 августа 1756 г. кн. Т. К. Голицыной своему сыну кн. А. М. Голицыну, служившему на дипломатическом поприще: «Чрез Галандию получила письма исправна. Что же у вас не имеетца исправных писцов в русском языке, надеюсь и здесь весьма немнога. Етому причина, что росиские почты все не учется по ортографи[и] росиской писать. А паче

¹ Le Donne J. P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34 (1–2). P. 139, 140.

Киселев Михаил Александрович — к.и.н., научный сотрудник сектора локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: strateg-mk@rambler.ru

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России» по теме «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества XVII–XX вв.», госконтракт № 14.740.11.0209.

дворянство (выделено нами — М. К.) х таму прилежание не имеют. Пот[ъ]ячие (выделено нами — М. К.) не по науке, болше по практике исправно пишут».² Таким образом, для кн. Т. К. Голицыной «дворянство» и «подьячие» представлялись двумя разными группами. Конечно, их можно объединить по такому формальному критерию, как государственная служба. Однако достаточно ли такого критерия, чтобы говорить об их единстве? В частности, как еще показал Г. А. Гуковский, для так называемой «дворянской фронды» 1750–1760-х гг. одним из важных элементов ее представлений о современном российском обществе была борьба с «подьячими», которые через государственную службу получали доступ к власти и богатству, тем самым становясь в некоторой степени «конкурентами» дворянству.³

В середине XVIII в. для людей, занимавших значимые должности в высших и центральных «статских», т. е. не военных, государственных органах Российской империи, такое разделение «дворянства» и «подьячих» фиксируется при анализе карьерных лестниц, по которым проходили представители данных групп. Как правило, для «дворян» начало карьеры было связано с военной или придворной службой, откуда они переходили на «штатские» должности. Например, вице-президент Ревизион-коллегии (по состоянию на 1755 г.) кн. Г. И. Шаховской начал свою службу с 1720 г. «лейб-гвардии в Семеновском полку в салдатех по 724 год». В 1730 г. он был определен поручиком Конной гвардии. Однако в 1738 г. он был «от военной службы отставлен и пожалован... в коллежские советники». В 1740 г. князь был определен в Камер-коллегию, а в 1753 г. стал вице-президентом Ревизион-коллегии.⁴ Сходным образом и Н. И. Панин, один из ведущих «статских» государственных деятелей второй половины XVIII в., начал свою службу в 1735 г. рейтаром в «лейб-гвардии в Конном полку», а в 1740 г. уже

² Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альм. М., 2007. Т. 15. С. 40.

³ См.: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в.: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 70–89 и др.

⁴ Российский Архив... С. 152.

числился подпоручиком. В 1742 г. «по полковому докладу без старшинства произведен тут же адъютантом», в 1743 г. был «пожалован камерюнкером ко двору Ея Величества. А в 1747-м году в июле месяце отправлен был «х дацкому двору в карактере чрезвычайного посланника».⁵

Карьерная лестница выходцев из «подьячих», как правило, начиналась в самом низу канцелярской делопроизводственной службы. Например, С. И. Шешковский, дослужившийся при Екатерине II до чина тайного советника (III класс Табели о рангах⁶), родился в 1727 г. в семье подканцеляриста И. Е. Шешковского, пиком карьеры которого стало получение в 1751 г. при отставке «за старостию и маловидением» чина коллежского регистратора (XIV класс). В делах Герольдмейстерской конторы была сделана следующая отметка: «Степан Иванов Шешковский, подьяческий сын, писать обучен, 9 лет». С. И. Шешковский после учебы начинал свою службу в 1738 г. с низших канцелярских должностей и в 1742 г. значился копиистом в Сибирском приказе, а в 1754 г. он дослужился до должности протоколиста в Тайной канцелярии (XIII класс).⁷

Таким образом, если говорить о людях власти в России середины XVIII в., необходимо признать, что формально единая и упорядоченная по Табели о рангах «бюрократия» была довольно неоднородным социальным явлением, в котором можно было выделить две основные социальные составляющие, представленные выходцами из потомственного дворянства и выходцами из «приказных» и «подьячих». В связи с этим возникает проблема изучения взглядов на устройство общества, характерных для представителей данных групп как важных факторов функционирования государственного аппарата в XVIII в.

Конечно, подобное исследование требует достаточной «плотности» источников. В связи с этим мы, претендуя скорее на постановку проблемы, нежели на ее решение, рассмотрим карьеру и государственную деятельность Д. В. Волкова, выходца из «канцелярских» низов, который смог дослужиться в 1762 г. до должности тайного секретаря Петра III. В силу карьерного взлета в эти годы от «дерзновен-

ного Волкова» остался значительный массив документов, который позволяет рассмотреть проблему социальных взглядов «подьячего», оказавшегося на вершинах власти Российской империи.

Дмитрий Волков родился в 1718 г. в семье Василия Борисовича Волкова, который «в Московской губернии с 713 по 719 год был у правящих дел копееистом». В 1719 и 1720 гг. В. Б. Волков был копиистом «при Правительствующем Сенате в следственной канцелярии ведомства обер-секретаря Анисима Шукина», а в 1720 г. начал работать в Московской губернской канцелярии, где в июле 1720 г. стал подьячим средней статьи, а в мае 1722 г. — «старым подьячим и канцеляристом». 8 апреля 1731 г. он был пожалован чином секретаря, в котором проработал в данной губернской канцелярии до 1743 г. При этом в 1726–1727 гг. Василий Волков «взят был в канцелярию тайного действительного советника сенатора графа Андрея Артемоновича Матвеева», а в 1739 и 1740 гг. направлен «был ко исправлению дел в комиссию ево ко описи Артемья Волынского и Платона Мусина-Пушкина именей и к произведению следственных порученных ему дел». В 1743 г. В. Б. Волков был принят «для скорейшаго в камисариате в делах исправления» в Главный комиссариат, где и работал секретарем (по состоянию на апрель 1754 г.), получая жалованье 250 р. в год. При этом В. Б. Волков весьма преуспел в покупке недвижимого имущества: по состоянию на апрель 1754 г. за ним числилось 105 душ мужского пола в трех уездах (в Можайском — 54, Рузском — 45, Владимирском — 6).⁸ Таким образом, отец Д. В. Волкова, судя по его карьерной лестнице, был типичным, хотя и довольно успешным, «подьячим», для которого секретарская должность была пиком карьеры. При этом можно указать на своеобразный континуитет с так называемой «служилой бюрократией» XVII в., если принять во внимание тот факт, что чин секретаря в первой четверти XVIII в. фактически заменил чин дьяка, как показал Д. О. Серов.⁹ В. Б. Волков прошел карьерный путь «приказного» XVII в., описанный в коллективной челобитной переводчиков Посольского приказа (1686 г.): «Подьяческой чин, быв в молодых, переменяются в средние, а из средних в старые подьячие. А из старых за

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Далее в тексте в скобках указывается только класс, к которому относился данный чин согласно Табели о рангах.

⁷ См.: Корсаков А. Д. Степан Иванович Шешковский (1727–1794). Биографический очерк // Ист. вестн. 1885. Т. 22, № 12. С. 664 и др.; Российский Архив... С. 156, 157.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 8122. Ч. 2. Л. 444–445.

⁹ См.: Серов Д. О. Последние дьяки: из истории реформирования системы гражданских чинов России в первой четверти XVIII в. // Урал. ист. вестн. 2011. № 3(32). С. 64–72.

свои приказные работы получают государскую милость, чин диачества, радуются и веселятся в государской милости с женами и детми».¹⁰

Дмитрий Волков начал обучаться канцелярским делам уже при своем отце. В следствии по известному московскому пожару 1738 г. он упоминался в качестве канцелярского служителя Московской губернской канцелярии, который вместе со своим отцом и другими служителями занимался спасением во время пожара «денежной казны» и «канцелярских дел».¹¹ 17 июня 1742 г. он был «по обучении на иждивении отца ево определен в службу при Коллегии Иностранных дел студентом», где в 1745 г. был «пожалован в коллегии юнкеры в ранг прапорщика» (XIV класс), а в 1746 г. был послан в Вену при Чоглокове «в должности секретаря». В 1747 г. Д. В. Волков был назначен переводчиком (X класс), а 26 октября 1749 г. по именному указу Елизаветы Петровны стал секретарем данной коллегии (IX класс).¹²

Такой карьерный взлет во многом объясняется способностями самого Д. В. Волкова. Как он вспоминал в 1755 г., «я с начала службы чрезмерным к оной усердием и тщанием такую вдруг и паче моего ожидания тягость дел на себя навлек, что я скоро увидел, коль мало к понесению оной способен, и по тому хотя покушался просить об отправлении меня к министру при котором либо дворе, но как мне во ответ и думать о том запрещено, то я паки по прежнему усердствовать продолжал, никогда почти не зная разницы между днем и ночью».¹³ Помимо «усердия», у Волкова был определенный талант к составлению бумаг. В частности, в 1756 г. кн. Т. К. Голицына, писавшая об отсутствии «исправных писцов в русском языке», отмечала, что в Коллегии иностранных дел «лутчие — г[осподин] Алцуфьев, г[осподин] Волков. Очень слагателно пишут».¹⁴ Помимо русского, Волков неплохо владел и иностранными языками. Как отмечалось в документе от 6 декабря 1754 г., «онный секретарь Волков... говорит по-французски и по-немецки, а на обоих сих языках пишет весьма изрядною рукою».¹⁵ Для канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, возглавлявшего Кол-

легию иностранных дел, Волков стал важным сотрудником,¹⁶ положение которого не смог поколебать даже его так называемый «побег» (декабрь 1754 — январь 1755 гг.),¹⁷ а также опала и ссылка А. П. Бестужева-Рюмина в 1758 г.

Укажем на родственные связи Д. В. Волкова. 5 февраля 1750 г. его женой стала Прасковья Борисовна Никитина, дочь обер-секретаря Адмиралтейской коллегии Бориса Никитина, чей сын Лев служил переводчиком в Коллегии иностранных дел (по состоянию на 1754 г.).¹⁸ Можно предположить, что такие родственные связи у «подьячих» Москвы и Петербурга были нередки: так, дочь И. Е. Шешковского, канцеляриста Ямской канцелярии, была замужем (по состоянию на 1742 г.) за сенатским подканцеляристом А. Л. Некрасовым.¹⁹

Карьера Д. В. Волкова по «подьяческой» — делопроизводственной — линии в 1750-е гг. развивалась очень успешно. В 1756 г. он получил должность конференц-секретаря «с рангом подполковника и с жалованьем по тысяче рублей на год» (VII класс).²⁰ В результате он стал руководителем делопроизводства Конференции при дворе Е. И. В. — высшего государственного органа, где решались основные стратегические и тактические вопросы внешней политики империи. В феврале 1758 г. вице-канцлер М. И. Воронцов обратился к Елизавете Петровне с прошением «о пожаловании в статские советники и члены Коллегии (иностранных дел — М. К.)... конференц-секретаря Дмитрия Волкова, не отлучая его однакож от Конференции».²¹ Такая просьба одного из вершителей российской внешней политики показывала, что Д. В. Волков не воспринимался исключительно как руководитель делопроизводства, что он мог быть привлечен для обсуждения и принятия политических решений. Однако следует отметить, что просьба М. И. Воронцова не была удовлетворена. Только 16 августа 1760 г. Д. В. Волков был пожалован в статские советники (V класс);²²

¹⁶ См., напр.: СИРИО. Пг., 1916. Т. 148. С. 463; Архив князя Воронцова. Кн. 2. С. 365.

¹⁷ См.: Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 584–598.
¹⁸ См.: Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий. СПб., 2011. С. 89; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1622. Л. 180б.

¹⁹ См.: Корсаков А. Д. Указ. соч. С. 661.

²⁰ СИРИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 166.

²¹ Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 4. С. 106.

²² См.: Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в с.-петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. 3. 1740–1762 / сост. П. Баранов. СПб., 1878. С. 422.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 64, 65.

¹¹ Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 159.

¹² Российский Архив... С. 82.

¹³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1622. Л. 42.

¹⁴ Российский Архив... С. 40.

¹⁵ Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 2. С. 630.

членом же Коллегии иностранных дел он был назначен лишь при Петре III.

Как отмечал австрийский посол Ф. К. Мерси-Аржанто, «собрания» Конференции «не только ограничиваются спорами о словах и такими совещаниями, где каждый выражает мнение, соответствующее его личным целям, — но оне никогда или очень редко кончались бы каким-нибудь решением... если бы секретарь Волков, ввиду более или менее настоятельной необходимости, зачастую не брал на себя постановку решения по своему усмотрению».²³ По словам Н. И. Панина, «дерзновенный Волков» «под видом управления канцелярского порядка... исполнял существенную роль первого министра, был правителем самих министров, избирал и сочинял дела по самохотению».²⁴ Сходная характеристика была дана Волкову в документе 1763 г., принадлежавшем, скорее всего, перу А. П. Бестужева-Рюмина: «При начинании прус[с]кой войны под видом управления токмо до той войны касавшихся дел довели до того, что бывшая конференция учреждена, которая, захватя на себя власть и отдаля... Императрицу разными предлогами и пронырствами от дел... сама одним *временщиком секретарем* (выделено нами — М. К.) управляема была».²⁵

Данные характеристики подтверждаются документами делопроизводства Конференции, среди которых за сентябрьскую треть 1760 г. находится набело переписанный, но неподписанный проект протокола Конференции. Он состоит из двух частей — рескрипта генералу А. Б. Бутурлину и рескрипта Коллегии иностранных дел.²⁶ Как показывает приложенная к нему записка, написанная Волковым 19 ноября 1760 г. и назначавшаяся, скорее всего, генерал-прокурору Н. Ю. Трубецкому, этот беловой протокол был проектом, сочиненным самим Волковым, который отмечал следующее: «Не зна[ю], приуспел ли я в том и получу ли вашего сиятельства апробацию, но сие у меня чрезмерно много времени взяло».²⁷ Отметим, что в этом проекте генералу Бутурлину предлагалось активизировать действия по захвату Коль-

берга.²⁸ (В какой-то мере это свидетельствует в пользу истинности оправдательного заявления, сделанного Волковым в 1762 г.: «...остаток последней компании и взятие Колберга одному мне принадлежит».)²⁹ Хотя данный проект протокола не был утвержден, он показывает, что секретарь, т. е. руководитель делопроизводства, вполне мог сочинить протокол от лица высшего государственного органа и предложить его к подписанию. И это не единственный случай: в начале 1761 г. Волков составил проект в форме чернового протокола Конференции, в котором предложил ряд мер по улучшению «коммерции», а также деятельности самой Конференции.³⁰ Таким образом, несмотря на то что формально Волков занимал должность руководителя делопроизводства, к началу 1760-х гг. он мог оказывать влияние на содержание государственной политики. При этом одним из оснований такого влияния были, скорее всего, его профессиональные качества и репутация, а не принадлежность к той или иной придворной «партии».

Пик карьеры Д. В. Волкова пришелся на краткое царствование Петра III,³¹ который начал свое правление с административных изменений, затронувших, в частности, и судьбу Волкова. Именным указом Петра III от 20 января 1762 г. в Коллегию иностранных дел сообщалось, что «отн[ы]не никакого особого совета или конференции для управления военных и политических дел не будет, но каждая коллегия свои дела отправлять имеет».³² Такое решение императора вызвало определенные возражения со стороны его приближенных. Так, в конце января — начале февраля этого же года канцлером М. И. Воронцовым были поданы возражения, в которых он обосновывал необходимость координационного органа — «совета» по внешнеполитическим и военным делам, хотя бы на время, «пока настоящее смешение дел в объяснение не придет» и не будет установлена новая внешнепо-

²⁸ Там же. Л. 184.

²⁹ Дмитрий Васильевич Волков. Материалы к его биографии. 1718–1785 // Русская старина. 1874. Т. 11, № 11. С. 482.

³⁰ См.: Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. М., 2010. № 33. С. 117, 118.

³¹ О Д. В. Волкове в царствование Петра III см. также: Наумов В. П. К вопросу о роли Д. В. Волкова в государственной политике Петра III // Забытый император: материалы науч. конф. «Ораниенбаумские чтения». СПб., 2002. С. 92–100.

³² РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 43. Л. 1.

²³ Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // Русская старина. Т. 28. СПб., 1880. С. 771.

²⁴ СИРИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 207.

²⁵ Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета (1762–1763 гг.) // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2010. Т. 12, № 6. С. 178.

²⁶ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 18. Л. 181–194.

²⁷ Там же. Л. 195.

литическая «система».³³ Не остался в стороне от этого и Д. В. Волков, подготовивший проект о реформе Конференции. Согласно этому проекту, Конференцию при дворе Е. И. В. следовало «не токмо на прежнем основании оставить, но паче точнее предписать важную ея должность и упражнение».³⁴ «Должность» и «упражнение», по мнению Волкова, состояли в решении «важнейших и тайных государственных дел». «Главной и первой Конференции должностью» было управление «политическими делами», т. е. внешней политикой. Однако Волков полагал, что компетенция Конференции должна быть распространена и на внутренние дела государства, так как «все политическое искусство не может производить совершенно желаемого действия, естли внутренния распоряжения не соответствуют принятым государственным правилам и намерениям».³⁵ Самому же Волкову в этом учреждении отводилась роль руководителя канцелярии с должностью «тайного конференц-секретаря».³⁶ Важно отметить, что особое внимание Волков уделил улучшению «государственной коммерции», т. е. торговли с иностранными государствами.³⁷

Петр III не утвердил проект, однако сам Д. В. Волков не остался забытым. Именным указом Петра III от 30 января 1762 г. в Сенат было сообщено: «...всем[и]л[о]стивейше пожаловали мы статскаго советника Дмитрея Волкова в наши тайные секретари с тем же жалованьем, какое он дон[ы]не получал».³⁸ Однако сам Волков в письме от 10 июля 1762 г., т. е. вскоре после свержения Петра III писал: «...первое, чаю я, дело поручено мне было — написать указ о возвращении на Вислу графа Чернышева с его корпусом и положить оное на попечение коллегии иностранных дел. Зная, сколько встретит гр. Чернышев трудностей... упомянул о том слегка в указе в коллегию, прибавя, что она, обще с Сенатом, распорядила поход и пропитание сего корпуса».³⁹ Действительно, 20 января 1762 г. в Коллегию иностранных дел был направлен именным указ Петра III о походе корпуса графа Чернышева в Познань, в котором ей предпи-

сывалось сделать «сношение с Сенатом и Военною коллегиею о всем, что до возвращения и пропитания сего корпуса принадлежит».⁴⁰ В связи с этим следует обратить внимание на копии указов и рескриптов Петра III с 20 января по 30 апреля 1762 г.⁴¹ Скорее всего, это копии актов, которые были записаны/написаны Волковым. На это указывает как состав документов (например, среди них нет манифеста о вольности дворянской, который Волков не создавал), так и их оформление, одинаковое с оформлением копий писем Волкова с 1 февраля по 5 апреля 1762 г.,⁴² в которых он сообщал о повелениях Петра III. Об определенной непрерывности работы Волкова свидетельствует также судьба делопроизводства Конференции за 1762 г.: едва начавшись в 1762 г., оно после ликвидации Конференции 20 января 1762 г. плавно «перетекло» в указы и рескрипты Петра III, а после учреждения 18 мая 1762 г. Императорского совета — стало его частью.⁴³ И первое, и второе, и третье — находилось в руках Волкова. Таким образом, указ от 30 января 1762 г. о назначении его тайным секретарем узаконил его положение.

Занимая такую официальную должность, Д. В. Волков получил возможность обращаться от своего имени по государственным делам. Уже 1 февраля 1762 г. он писал в Кенигсберг генерал-поручику П. И. Панину об именном указе Петра III об отправке в Россию янтаря, которого «к заведенным здесь при дворе из онаго уборам болшее еще число потребно»,⁴⁴ а 4 февраля Волкову была вручена реляция из Кеслина от генерал-поручика Волконского, направленная на имя Петра III. Тайный секретарь эту реляцию «щастие имел сего ж утра прочитат... пред его императорским величеством» и получил от Петра III соответствующие указания об ответе.⁴⁵

В связи с происшедшими изменениями Д. В. Волков дополнительно сообщал П. И. Панину письмом от 4 февраля 1762 г. из Санкт-Петербурга следующее: «По разрушении н[ы]не конференции принадлежащая по команде вашего превосходительства указы будут отправляемы, как я чаю, из Сената, но пока все то в порядок придет, я между тем докладывал его

³³ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 27. Л. 45, 45об.

³⁴ Там же. Л. 47.

³⁵ Там же. Л. 48, 48об.

³⁶ Там же. Л. 49.

³⁷ Там же. Л. 50об., 51.

³⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 5. Д. 43. Л. 30б.

³⁹ Дмитрий Васильевич Волков. С. 480.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 43. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 43.

⁴² Там же. Д. 45.

⁴³ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 27.

⁴⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 5. Д. 45. Л. 1.

⁴⁵ Там же.

величеству по реляциям вашим».⁴⁶ Одна из функций Волкова как личного помощника императора была описана в рескрипте Петра III от 19 февраля 1762 г. на реляции главнокомандующего русской армии в Германии фельдмаршала П. С. Салтыкова: «Мы и теперь при великих наших по другим делам упражнении объявим вам соизволения наши единственно на реляции, кои содержат нечто важного и нашей резолюции требуют, а на которые надобно одно толко объяснение, то зделает вам наш тайной секретарь Волков».⁴⁷ Сам Волков в письме от 6 марта — в разъяснении на реляцию П. С. Салтыкова от 15 февраля 1762 г. из Мариенбурга — так описывал положение дел: «Дон[ы]не мало было мне времени, и теперь едва успеваю написать сие покорнейшее, но дабы зделать начало ко исполнению ваших повелений, то нижайше доношу, что о всех делах, о которых доносимо было прежде в конференцию, не имеете, ваше сиятельство, нужды никуда по разным местам адресоватся, а надлежит прямо токмо доносить к его императорскому величеству, адресуя те реляции ко мне, ибо такое есть соизволение его величества, так что и графу Чернышеву, пока он не соединится с вашим сиятельством, таким же образом доносить велено».⁴⁸ Салтыков, отвечая на рескрипты императора от 19 февраля, в сопровождающем письме к Волкову от 11 марта 1762 г. из Мариенбурга написал: «...мне предписано адресоватся к вашему высококородию для получения потребных и когда в чем объясненной».⁴⁹ Вскоре Салтыкову пришло и письмо Волкова от 6 марта с новым рескриптом императора. Фельдмаршал не преминул поблагодарить тайного секретаря «за полученное... приятнейшее вашего высокоблагородия письмо», которое «сверх нужных для моего знания поданных объяснений» было «наполнено знаками вашей ко мне дружбы и благосклонности».⁵⁰ Подобное замечание фельдмаршала о «дружбе и благосклонности» свидетельствовало о высоком статусе тайного секретаря. Волков приобретал положение личного помощника императора, через которого должны были проходить предназначавшиеся для Петра III бумаги, и который мог давать необходимые разъяснения по относительно

неважным вопросам, не отвлекая монарха от более значимых дел. Такое положение делало его одной из самых влиятельных персон в «правительстве» Петра III. Это отразилось и на продвижении Волкова по лестнице Табели о рангах: 9 марта 1762 г. он был пожалован в действительные статские советники (IV класс), а также в члены Коллегии иностранных дел.⁵¹ П. С. Салтыков, получив об этом известие, не забыл — по «истинной моея к вам дружбе и преданности» — поздравить Волкова.⁵²

18 мая 1762 г. Д. В. Волков был включен в состав Императорского совета — «вышнего совета», который Петр III, желая «отправит-ся немедленно к армии», учредил «на время» своего «отсутствия».⁵³ В указе от 18 мая 1762 г. император заявил, что «исходящиеся из сего места (совета — М. К.) указы будем Мы подписывать Нашею рукою, но о делах меньшей важности будут и они (члены совета — М. К.) одни подписывать от Нашего имени во все места, почему исполнять как по Нашим собственным указом, а рапорты на то писать реляциями просто на имя Наше, адресуя в конверте к Нашему Тайному Секретарю Волкову».⁵⁴ Таким образом, Дмитрий Васильевич вошел в состав высшего государственного органа; кроме того, в его руках оказалось и руководство делопроизводством данного учреждения.

К концу мая 1762 г. Д. В. Волков находился на самой вершине государственной власти и был одним из влиятельнейших сановников империи. Как отмечал Б. Х. Миних, бывший в свое время членом Императорского совета, «то, с чем соглашался Волков, и составляло образ правления при императоре Петре III».⁵⁵ Собственно, здесь и возникает один из ключевых вопросов исследования: в рамках важных решений государственного уровня, к принятию которых Волков имел отношение, прослеживаются ценности, присущие дворянским социальным представлениям или же связанные с его «подьяческим» происхождением?

Свою деятельность при Петре III Д. В. Волков охарактеризовал следующим образом: «Важность и склизость сего поста (тайного секретаря — М. К.) я тогда же чувствовал, и потому твердо предпринял было, по просту сказать, че-

⁴⁶ Там же. Л. 10б.

⁴⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 837. Л. 10.

⁵⁰ Там же. Ф. 203. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁵¹ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... С. 488.

⁵² РГАДА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

⁵³ Там же. Ф. 9. Оп. 5. Д. 44. Л. 15.

⁵⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. С. 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 15. № 11538. С. 1006.

⁵⁵ Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 95.

рез пень колоду валить, т. е. исполнять только что велют, а самому не умничать и не выслуживаться. Но жребий моим хотениям всегда был противен».⁵⁶ В отношении своего участия во внутренних делах государства до учреждения Императорского совета он писал следующее: «Главные моих трудов суть три: 1) о монастырских вотчинах; 2) о тайной канцелярии и 3) иностранный указ о коммерции».⁵⁷

В связи с этим следует обратить внимание на манифест от 16 февраля 1762 г. об упразднении Канцелярии тайных дел, в котором могли проявиться представления Волкова о социальной иерархии. В данном акте был приведен примерный перечень «подлых» категорий населения, из которых могли быть «ложные доносители»: «Найдутся, однако ж, такие подлые, злые и бездельные люди, из салдат, матрозов, людей господских, крестьян, бурлаков, фабришных, мастеровых и, одним словом, всякаго звания подлых, кои... всякими коварными вымышлениями обносить или под какой суд и нещастие подводить своих начальников, господ или неприятелей, и для того станут на них являться с доносами». Кроме того, в документе были определены социальные группы, находившиеся на противоположном «подлости» полюсе: «Совсем не чаем мы, чтоб благородныя дворяня, офицеры или теми чинами от нас удостоенныя или же кто-либо из знатнаго купечества нашлись когда-либо в толь мерских пред Богом и пред светом преступлениях, каковы суть против первых двух пунктов, а еще меньше ожидаем, чтоб нашлись между ими толико подлые и безчестныя люди, кои похотели бы делаться клеветниками, то есть ложными доносителями». В связи с этим давалось следующее указание: «Естьли кто из них доносителем найдется и в первом судебном месте в том утвердится, такого тотчас под крепким караулом для изследования отсылать в наш Сенат».⁵⁸ Таким образом, в одной группе с «благородными дворянами» оказались офицеры и чиновники-недворяне, т. е. «подьячие», а также «знатные купцы». При такой формулировке социальная исключительность дворянства ставилась под сомнение. Конечно, дворянство не теряло своей важности и своего привилегированного статуса, однако у него появлялся своеобразный «конкурент».

Подобный же подход обнаруживается в другом правовом акте имперского уровня — в «указе о коммерции», к созданию которого Д. В. Волков приложил значительные усилия. Еще 19 декабря 1760 г. он направил письмо главе Комиссии о коммерции И. Г. Чернышеву,⁵⁹ где указывал на важность для России развития экспорта «хлеба». При этом он отмечал: «...я не буду с теми радоваться, кои кричать станут: “слава Богу, у нас в Пензе хлеб по четыре алтына четверть”. У них, может быть, великие винные заводы, и так им прибыль. Но я воображаю, сколько бедному крестьянину тогда четвертей возить надобно, пока он свои соберет семь гривен». Критичная отсылка к «винным заводам» и «семи гривнам» указывала на дворян: к 1760 г. в России была установлена дворянская монополия на курение вина, и именно дворянские крепостные платили государству 70 копеек подушного. В отношении организации «хлебного торго» Волков предлагал следующее: «Чтоб и выпуск был умеренной и в тож время знатной в государстве хлеба запас был, то надобно сей торг отдать городам, с тем, чтоб в первые годы, например буде Тверь отпустить сто тысяч четвертей, — двадцать пять тысяч, конечно, в городском магазине оставалось». При этом Волков полагал, что «понеже сии городские магазины имеют быть на содержании города и на их ответе, хотя им же и принадлежат, то всемерно надобно, чтоб дворянство ни прямо за море хлеба не отпускало, ниже иностранным купцам продавать могло». Фактически Волков предлагал отстранить дворянство от прямого участия в «хлебном экспорте», передав торговлю исключительно в ведение купечества. Конечно, такое предложение он подкреплял якобы своей заботой о дворянстве: «Я истинно от всего сердца дворянство почитаю и хочу ему всякого добра, но я добрым дворянством не почитаю, когда б мы сделались купцами, а купцы наши должности исправляли». Таким образом, под предлогом заботы о дворянстве Волков продвигал меры по развитию купеческой торговли.

В 1761–1762 гг. Д. В. Волков предпринял меры для того, чтобы облечь свои предложения о коммерции в законодательные формы. Результатом этого стал указ Петра III, данный Сенату 28 марта 1762 г., где были перечислены основные меры по развитию внешней торговли.

⁵⁶ Дмитрий Васильевич Волков. С. 480.

⁵⁷ Там же. С. 484.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 43. Л. 110б.–13.

⁵⁹ См.: Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 117–126.

В этом указе провозглашалось, что император «твердо» намерен «особливое и неутомленное прилагать о распространении коммерции старание». ⁶⁰ В первом пункте указа предлагалось «хлебный торг сделать отныне от всех портов... невозбраным и пошлину собирать половинную». В следующих пунктах рекомендовалось ликвидировать ряд ограничений и монополий, связанных с внешней торговлей. При этом в одном из пунктов провозглашалось: «Мы всемерно того мнения, что всякому торгу свободну быть надлежит». ⁶¹ Согласно этому указу, Сенату следовало «о действительном исполнении по всем сим пунктам рапортовать» Петру III «немедленно на письме».

Чтобы ускорить «исполнение» данного указа, Д. В. Волков решил оказать давление на Сенат с помощью прессы, а точнее — с помощью публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях». Он инспирировал издание «указа о коммерции» от 28 марта 1762 г. в «Прибавлениях» к данной газете от 5 апреля. В предисловии к публикации объявлялось, что этот указ «послужит для всех верных подданных залогом монаршей к ним милости, к ободрению хлебопашества и коммерции и к истреблению вкравшихся злоупотреблений». При этом отмечалось, что, «за наступившими праздничными днями, Сенат не был еще в состоянии исполнить по всем важным пунктам сего указа; но народ толь нетерпеливее сего ожидает, что время почти наступило к мореплаванию и коммерции». ⁶²

Сенат, «слушав» этот указ 18 и 22 апреля, а также 20 мая, готовил для Петра III довольно обширный доклад по этому правовому акту, где подвергал критике некоторые его положения. ⁶³ Д. В. Волков, обеспокоенный судьбой своего детища, пытался вытребовать себе этот доклад через генерал-прокурора А. И. Глебова. 26 июня 1762 г. он писал ему из Ораниенбаума: «Паки еще в бытность здесь вашего превосходительства говорил я об отдаче мне пространнаго сенатскаго о комерции доклада, так и потом. Затем же несрочно в город посылал по имянному Его императорскаго величества повелению. На первое получил я тогда обещание до н[ы]не неисполненное, а на второе рапортовал мне посланной: якобы сей

доклад переводится, но мне отдан быть не может, потому что не всеми сенаторами подписан, да и несоглашеность еще в Сенате, подавать ли оной Его императорскому величеству или нет. ...принужден чрез сие просить или скорой присылки оригинального доклада или писмяннаго об[ъ]яснения, что мне донести Его величеству». ⁶⁴ Ни этого доклада, ни объяснений Волков не успел дожидаться: 28 июня 1762 г. начался дворцовый переворот, в результате которого Петр III оказался свергнут, на престол взошла Екатерина II, а тайный секретарь бывшего императора был отправлен в почетную ссылку в Оренбург вице-губернатором. Однако стоит отметить, что основные идеи Волкова о развитии внешней торговли, нашедшие отражение в «указе о коммерции» от 28 марта 1762 г., были утверждены Екатериной II 31 июля 1762 г. ⁶⁵

Находясь в почетной ссылке в Оренбурге, Д. В. Волков продолжил «прожектёрскую» деятельность. В 1763 г. он направил Екатерине II ряд проектов по развитию Оренбургской губернии и торговли в ней. Помимо прочего, он писал следующее: «Многия насланные к замешанию всего дела из разных мест по проискам партикулярных людей указы, яко и без того случайныя, буде не уничтожить, то однако ж от корпуса законов отделить, грабеж, воровство и обман искоренить, *купечество и российское и иностранное ласкать и возможныя им льготы и вспомошествованию делать*, а безкорыстливость свою и nelaкомство такую наружностию *отнюдь не одевать, чтоб купцов хуже собак почитать*, и потому их к себе на глаза не пускать» ⁶⁶ (выделено нами — М. К.). Таким образом, будучи в опале, он продолжал отстаивать идею развития торговли и покровительства ей. Однако уже в конце 1763 г. Волков был возвращен в Санкт-Петербург и назначен президентом Мануфактур-коллегии. В 1765 г. он принял активное участие в работе Комиссии о винных и соляных сборах. Итогом ее деятельности стал доклад, в котором предлагалось ограничить дворянскую монополию на винокурение и который привел к конфликту с продворянски настроенным Сенатом. При этом следует

⁶⁰ ПСЗ. Т. 15. № 11489. С. 959.

⁶¹ Там же. С. 964.

⁶² Санкт-Петербургские ведомости. 1762. 5 апр. (№ 27). Прибавление.

⁶³ См.: Сенатский архив. Т. 12. СПб., 1907. С. 150–167.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 3. Л. 23. Сп.: Leonard C. S. Reform and regicide: the reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993. P. 106–110.

⁶⁵ ПСЗ. Т. 16. № 11630.

⁶⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. 4. Ч. 2. С. 450.

отметить, что предложения об ограничении прав сопровождались в докладе самыми лестными словами в адрес дворянства, что должно было «подсластить пилюлю».⁶⁷

На основании анализа деятельности Волкова Д. В. в начале 1760-х гг. можно прийти к следующим выводам. В идеях Волкова, которые он стремился воплотить в имперском законодательстве, не прослеживается отстаивания каких-либо дворянских интересов. Более того, в отношении дворянства у него встречаются критические высказывания. В проектах, направленных на развитие «коммерции», важное место Волков отводил купечеству, в интересах которого он был готов ограничивать дворянские права в области торговли. В данном случае уместно указать на письмо купцов г. Рузы от 8 июня 1761 г., которые обращались с прошением к Волкову, «паметуя вашу и г[осу]д[а]ря родителя вашего неизреченныя и отеческия милости».⁶⁸

Недворянские представления Волкова имели определенные социальные основания: он был выходцем из среды «подьячих», которые не были жестко связаны дворянской сословностью и могли иметь более тесные контакты с городской (разночинской, купеческой, мещанской) средой. Это, в частности, служит одним из объяснений появления в законодательстве периода правления Петра III «сравнительно устойчивых пробуржуазных тенденций».⁶⁹

В определенной степени Д. В. Волкова можно поставить в один ряд с такими государственными деятелями, как А. А. Маслов, Г. Н. Теплов, М. М. Сперанский. Благодаря присутствию такого «подьяческого»/«разночинного» контингента, жестко не связанного с самосознанием дворянского сословия, в составе высших государственных органов власти в России, была возможна корректировка внутренней политики в интересах иных — «неблагородных» — сословных групп.

Ключевые слова: *Д. В. Волков, Петр III, подьячие, история Российской империи XVIII в., российская бюрократия XVIII в.*

Mikhail A. Kiselev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *strateg-mk@rambler.ru*

D. V. VOLKOV'S CASE: "SCRIBES" AT THE TOP LEVEL OF POWER IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 18TH CENTURY

The article deals with the specifics of the social ideas of the "scribes" who reached the top positions of power in the government of the Russian Empire in the 18th century. Using the career and civil service of D. V. Volkov, the privy secretary of the Emperor Peter III in the early 1760s as the case study the author demonstrated that in his projects the merchant class was given a prominent position, moreover, in its interests he was ready to restrict the rights of the nobility in the sphere of commerce. This lack of protectionism towards the nobility on the part of Volkov had roots in his social background: coming from the "scribes" class he had no firm belief in the nobility's privileges. In his work Volkov could be placed in the same rank as A. A. Maslov, G. N. Teplov and M. M. Speransky.

Key words: *D. V. Volkov, Peter III, podyachy, history of the Russian Empire XVIII century, Russian bureaucracy of the XVIII century*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Arkhiv knyazya Vorontsova (Archives of Prince Vorontsov). Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K, Book 2, 1871, 642 p. (in Russ.).

Arkhiv knyazya Vorontsova (Archives of Prince Vorontsov). Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov), Book 24, 1880, 424 p. (in Russ.).

⁶⁷ См.: Киселев М. А. Сословная риторика как аргумент: небольшой эпизод из создания Устава о винокурении 1765 г. // Урал. ист. вестн. 2009. № 2 (23). С. 145–151.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 832. Л. 98.

⁶⁹ Мыльников А. С. «Он не был похож на государя...»: Петр III. Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 188.

- Arkhiv knyazya Vorontsova* (Archives of Prince Vorontsov). Moscow: Tipografiya I. F. Ioganson, Book 4, 1872, 542 p. (in Russ.).
- Bugrov K. D., Kiselev M. A. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii: sb. nauch. tr.* (Dialogue with the times. Almanac of intellectual history: collected papers). Moscow: IVI RAN, 2010, Vol. 33. pp. 110–139. (in Russ.).
- Dmitriy Vasilevich Volkov. Materialy k ego biografii. 1718–1785* (Dmitry V. Volkov. Materials for his biography. 1718–1785). *Russkaya starina* (Russian Antiquity), Vol. 11, № 11, pp. 478–496. (in Russ.).
- Gukovskiy G. A. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1936, 237 p. (in Russ.).
- Kiselev M. A. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2009, № 2(23), pp. 145–151. (in Russ.).
- Korsakov A. D. *Istoricheskiy vestnik* (Historical Journal), Vol. 22, № 12, 1885, pp. 656–687. (in Russ.).
- Le Donne J. P. *Cahiers du Monde russe et soviétique* (Notebooks of the Russian and Soviet World), Vol. 34 (1–2), 1993, pp. 139–147. (in French).
- Leonard C. S. Bloomington: Indiana University Press, 1993, 232 p. (in English).
- Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* (Materials on the history of the Bashkir ASSR). Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, Vol. 4, part 2, 1956, 665 p. (in Russ.).
- Murzanov N. A. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2011, 736 p. (in Russ.).
- Mylnikov A. S. St. Petersburg: Lenizdat, 2001, 670 p. (in Russ.).
- Naumov V. P. *Zabytyy imperator: Materialy nauchnoy konferentsii "Oranienbaumskie chteniya"* (Forgotten Emperor: Proceedings of the Conference "Oranienbaum reading"). St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya, 2002, pp. 92–100. (in Russ.).
- Opis vysochayshim ukazam i povelenyam, khranyashchimsya v s.-peterburgskom senatskom arkhive, za XVIII vek* (Inventory of the highest decrees and the ordinances that are stored in the St. Petersburg Senate archive of the XVIII century). St. Petersburg: Tipografiya Pravitelstvuyushchego Senata, Vol. 3, 1878, 513 p. (in Russ.).
- Pamyatniki moskovskoy delovoy pismennosti XVIII veka* (Monuments of Moscow business writing of the XVIII century). Moscow: Nauka, 1981, 318 p. (in Russ.).
- Pisarenko K. A. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003, 873 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe* (The complete collection of the laws of the Russian Empire, the command of Emperor Nicholas made up). St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, Vol. 15, 1830, 1050 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe* (The complete collection of the laws of the Russian Empire, the command of Emperor Nicholas made up). St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, Vol. 16, 1830, 1018 p. (in Russ.).
- Polskoy S. V. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk: sb. nauch. tr.* (Proceedings of Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences: collected papers). Samara, Vol. 12, № 6, 2010, pp. 173–182. (in Russ.).
- Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svдетельствakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: almanakh* (Russian Archives: History of the Fatherland in the testimonies and documents of XVIII–XX centuries: almanac.). Moscow: Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, Vol. 15, 2007, 592 p. (in Russ.).
- Sankt-Peterburgskie vedomosti* (St. Petersburg Gazette), 1762, 5 April (№ 27). Addition. (in Russ.).
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* (Collection of the Imperial Russian Historical Society). St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, Vol. 136, 1912, 652 p. (in Russ.).
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* (Collection of the Imperial Russian Historical Society). Petrograd: Tipografiya M. A. Aleksandrova, Vol. 148, 1916, 554 p. (in Russ.).

Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, Vol. 7, 1871, 417 p. (in Russ.).

Senatskiy arkhiv (Senate Archives). St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1907, 707 p. (in Russ.).

Serov D. O. *Ural'skiy istoricheski vestnik* (Ural Historical Journal). Ekaterinburg, 2011, № 3 (32), pp. 64–72. (in Russ.).

Shefer A. *Russkaya starina* (Russian Antiquity), St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva, Vol. 28, 1880, pp. 767–776. (in Russ.).

Zapiski feldmarshala grafa Minikha (Notes of Field Marshal Count Munnich). St. Petersburg: Tipografiya Ya. A. Isakova, 1874, 406 p. (in Russ.).